

Ильченко Н. М. «Жизнь как страдание»: мотив мести в новелле Э. Т. А. Гофмана «Маркиза де ла Пивардьер» и романе Ж. Жанена «Мертвый осел и гильотинированная женщина» / Н. М. Ильченко, Ю. А. Маринина // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 121—134. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-121-134.

Ichenko, N. M., Marinina Yu. A. (2021). “Life as Suffering”: the Motive of Revenge in the Novel by E. T. A. Hoffmann “The Marquis de la Pivardière” and the Novel by J. Janin “The Dead Donkey and the Guillotined Woman”. *Nauchnyi dialog*, 1: 121-134. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-121-134. (In Russ.).

УДК 821.133.1Janin.07+821.112.2Hoffmann.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-121-134

«ЖИЗНЬ КАК СТРАДАНИЕ»: МОТИВ МЕСТИ В НОВЕЛЛЕ Э. Т. А. ГОФМАНА «МАРКИЗА ДЕ ЛА ПИВАРДЬЕР» И РОМАНЕ Ж. ЖАЕНА «МЕРТВЫЙ ОСЕЛ И ГИЛЬОТИНИРОВАННАЯ ЖЕНЩИНА»

© **Ильченко Наталья Михайловна (2021)**, orcid.org/0000-0003-2541-5061, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижегород, Россия), ilchenko2005@mail.ru.

© **Маринина Юлия Анатольевна (2021)**, orcid.org/0000-0002-5996-8396, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина» (Нижегород, Россия), umarinina@gmail.com.

Анализируется мотив мести на материале французского топоса, рассматриваемого как пространство преступления и наказания. Отмечается, что новеллу Э. Т. А. Гофмана и роман Ж. Жанена объединяет внимание к судьбе как понятию катастрофичному, вписанному в картину жизни Франции. Актуальность исследования связана с проблемами формирования национальной идентичности, национального образа романтиками Германии и Франции. Показано, что немецкий романтик, опиравшийся на фантазию как средство понимания и познания жизни, стал образцом для Ж. Жанена в восприятии «наблюдаемого материала». Особое внимание уделяется художественному воплощению жизни как «безобразной бездны», в которой оказываются героини Э. Т. А. Гофмана и Ж. Жанена. Представлены результаты сопоставительного анализа новеллы, действие которой относится ко второй половине XVII века, но о нравах героев писатель рассуждает с точки зрения романтического канона, и романа, действие которого отнесено к концу 20-х годов XIX века. Новизна исследования связана с тем, что драма человеческого бытия (женского) рассматривается как результат хрупкости земного существования, потери веры в разумность мироздания. Такой подход позволил проанализировать национальные формы романтизма, индивидуальный подход Гофмана и Жанена к пониманию морального и греховного.

Ключевые слова: образ; пространство; мотив; фантазия; мечь; преступление; Париж; Гофман; Жанен.

1. Введение

По мнению П. Мейер, во французской литературе 1820-х годов «преобладали две основных темы: проституция как женское преступление и убийство (или дьявольское устремление) как мужское преступление» [Мейер, 2011, с. 147]. В романе Ж. Жанена «Мертвый осел и гильотинированная женщина» («L'âne mort et la femme guillotinée», 1829, пер. 1831) присутствуют обе темы. В предисловии к циклу «Фантазий» (1832, пер. 1834) французский писатель разъясняет причину обращения современных писателей к подобным ситуациям: «Я знаю, что случай недостаточен <...> но <...> это не моя вина, вина обстоятельств, моды» [Жанен, 1834, с. 11—12]. Ж. Жанен называет Э. Т. А. Гофмана своим учителем: именно он открыл «опасный остров, покрытый тиной»; «он один занимается миром, воображает свои ужасные, несчастные, любовные и страдальческие повести» [Там же, с. 52]. Жанен одним из первых вводит понятие «гофманиана» в музыкальной и литературной критике [Neubauer, 2017, p. 95]. Немецкий романтик вызывает «восторг», потому что представляет не «материал для наблюдения», а, благодаря фантазии, «преображение» грустной картины жизни.

Тема преступления стала ведущей в двух «французских» новеллах Э. Т. А. Гофмана — «Девушка Скюдери» (Das Fräulein von Scuderi, 1818, пер. 1822) [Ильченко и др., 2019, с. 140—155] и «Маркиза де ла Пивардьер» (Die Marquise de la Pivardiere, 1820, пер. 1829). При работе над ними немецкий романтик опирался на книгу французского адвоката Гийо де Питавиля «Знаменитые и примечательные случаи из области права» (немецкий перевод 1782—1792 годов). Случай, взятый из судебной практики и положенный в основу сюжета «Маркизы де ла Пивардьер», писатель превратил в драматическое повествование о судьбе героини, которую обвиняют в смерти мужа.

В образе героини Ж. Жанена — Анриетте — соединяются женское преступление (проституция) и мужское (убийство). Оба произведения, новелла Гофмана и роман Жанена, созданные в пределах одного десятилетия, объединяет мотив мести.

2. Париж как источник ужасного

Роман «Мёртвый осел и гильотинированная женщина» представляет собой своеобразный эксперимент — автор соединяет в нем мотивы и образы, актуальные для французской литературы того времени: в нем очевидно влияние романа воспитания и готического романа, физиологического очерка и

романа-исповеди. Он стал манифестом «неистой школы», или «школы разочарования», как назвал ее Оноре де Бальзак. В основе эстетики «неистой школы» лежит концепция изображения ужасного в обыденном. Появление этой концепции критики связывают именно с романом Жюль Жанена: «Оригинальность Жанена сказалась в том, что он практически первый перенес действие “черного” романа вместе с характерными атрибутами “готики” из средневековых замков в современный Париж <...> Париж предстает в особом ракурсе: городская живодерня, морг, больница, игорные притоны, дом терпимости, публичная казнь, кладбище, анатомический театр» [Брахман, 2010, с. 228]. Б. Г. Реизов отмечает: «Роман Жанена был защитой современной темы и разоблачением современности. Он утверждал, что современность возможна в искусстве лишь потому, что она отвратительна» [Реизов, 1977, с. 64].

В романе Ж. Жанена источником ужасного становится город: «Я один знал, что погубило её: соседство с Парижем, который ежедневно выбрасывает в окрестные деревни свои нечистоты, свои пороки. Париж — растлитель всех невинных душ. Париж, под чьим дыханием увядают все розы, оскверняется всякая красота. Париж, этот ненасытный распутник!» [Жанен, 2010, с. 151—152].

Франция и ее столица после массовых казней эпохи революции, многочисленных уголовных процессов, насилия воспринималась как «земля преступлений».

В экспозиции гофмановской новеллы тоже говорится о Париже, об «ужасном убийстве» в Булонском лесу: человек простого звания несколькими ударами ножа убил наскучившую ему невесту. «Весь Париж» обсуждает злодеяние преступника по имени Барре, но в обществе княгини д'Эгуйон убеждены, что причина в «пренебрежении просвещением и религией» среди простых людей [Гофман, 2009, с. 352]. Эмоциональное напряжение постепенно нарастает, и граф Сент-Эрмин сообщает о преступлении хорошо известной всем представительнице высшего сословия — маркизы де ла Пивардьер, якобы убившей в сговоре со своим духовником Шаро мужа. Это — завязка повествования, далее история преступления и наказания излагается в аналитической манере.

Литературе XIX века свойственна мифологизация образа города, формирование городского мифа. Анриетта Ж. Жанена в данном контексте — часть городского мифа, как и гофмановский персонаж, совершивший убийство в Булонском лесу. Можно говорить о мифологизации уже в начале романа «Мертвый осел и гильотнированная женщина»: образ осла напоминает об античном культе Приапа, божества, олицетворявшего похоть (с этим и соотносена жизнь героини) [Мифы народов мира, 2008,

с. 764]. С другой стороны, с образом осла и его принесением в жертву связана пародия на евангельские сюжеты и образ Христа, также являющегося воплощением умирающего и воскресающего бога [Мейер, 2011, с. 166]. Ж. Жанен использует и прием двойничества: двойниками становятся Анриетта и герой-рассказчик: «Боженькой» его называет мальчишка-попрошайка [Жанен, 2010, с. 83].

Действие и описание в романе Жанена отнесены к реальности, за исключением эпизода «Медицинская вечеринка», показывающего процесс воскрешения трупа молодого англичанина с помощью «модного» месмеризма («во Франции (около 1820 г.), стали плодиться магнетизеры и общества по изучению магнетизма; в 1829 году, судя по некоторым свидетельствам, удалось осуществить безболезненное удаление опухоли под гипнозом» [Барт, 1989, с. 439]). По косвенным указаниям читатель может предполагать, что действие романа происходит в 1829 году (автор упоминает обсуждение государственного бюджета 1828 года, выход «Последнего дня приговоренного к смерти» В. Гюго в феврале 1829 года).

Действие новеллы Э. Т. А. Гофмана происходит во второй половине XVII века. Гофман основательно изучил литературу о Франции, Париже, хотя «фантазия увлекает воображаемое за пределы интеллектуального представления» [Ле Гофф, 2001, с. 6].

Непосредственное действие новеллы относится к 80-м годам XVII века (упоминается «разразившаяся война» 1688 года): к этому времени маркизе около сорока лет. Однако о нравах своих героев, живших в отдаленную эпоху, Гофман рассуждает с точки зрения романтического канона, что подтверждает мнение: «Каждый поет голосом своего этапа культурного развития» [Эйзенштейн, 1964, с. 127]. Гофман — не исключение: образ маркизы-преступницы выписан им в традициях романтической эстетики.

3. Тема преступления в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ж. Жанена

Париж Э. Т. А. Гофмана и Ж. Жанена — это не блистательная столица Франции, а город преступлений.

Франсуаза Маргарита Шовлен была воспитана отцом, который стремился избавить дочь от «слабости женского ума». Ее он видел в «сладкой любовной мечтательности, доказывая, что любовь — “чуждое чувство”» [Гофман, 1930, с. 306]. В результате мадемуазель де Шовлен, милая, умная, обаятельная, образованная, остроумная, «божество светских кружков» Парижа, не могла никого полюбить: «Перед глазами ее внезапно вставало дурное пугало влюбленной женщины, которым напугал ее отец, и ужас перед этим страшилищем убивал чувство любви в самом зародыше» [Гофман,

1930, с. 307]. Она поздно вышла замуж, а ее избранником оказался человек, который по своему отношению к жизни напоминал ей отца. «Маркиз де ла Пивардьер был среди поклонников Франсуазы тем, кто, казалось бы, меньше всего мог рассчитывать на ее руку» [Гофман, 2009, с. 359]: невидной наружности, недалекий, промотавший состояние, сухой и холодный человек. Взгляд на брак как практическое дело сделал жизнь супругов спокойной, «если можно так назвать полное равнодушие друг к другу» [Там же, с. 360].

Аналитическая манера изложения меняется перед описанием происшествия, перевернувшего жизнь маркизы. Прогулка по саду и звон колоколов вдруг заставляют ее размышлять о том, что «она не смогла разобраться в жизни, когда та еще окружала ее зелеными, цветущими ветвями» [Там же, с. 361]. Маркиза осознает, что «не воспользовалась жизнью в цветущую пору» [Гофман, 1930, с. 313]. Грусть, странная боль, слезы «выбили» ее из привычной жизненной колеи. Нейтральная манера повествования меняется, когда автор начинает использовать сравнения: торжественно загудевший колокол настраивает маркизу на воспоминания, и «прошедшее встает перед ней, как греза» [Гофман, 2009, с. 361]. Встреча с новым священником аббатства Мизере разрушила ее привычную, целенаправленно выстраиваемую жизнь. Она узнала в нем юношу, взгляд которого двадцать лет назад «пронзил <...> душу, как пылающий кинжал <...> мне кажется, будто я должна упасть замертво, но такая смерть — высший, блаженнейший небесный восторг» [Там же, с. 357]. Маркиза понимает теперь, что лишена возможного счастья, которое осталось для нее «неизведанным». Отец внушил ей мысль о любви как «злом начале» [Там же, с. 356]. Когда шестнадцатилетняя Франсуаза впервые испытала восторг после встречи с Шаро, она восприняла это состояние как «злое, безумное начало» [Там же, с. 358], отец ее уверил в том, что «злое начало <...> подрывает силу человеческого духа» [Там же, с. 356]. Поэтому девушка сделала все, чтобы «победить судьбу, или, вернее, злое начало» [Там же, с. 358].

С описанием взаимоотношений Франсуазы и отца связан мотив тайны: Шевалье де Шовлен разгадал тайну дочери, которая при второй встрече с Шаро испытывает «страшную власть» любви и теряет сознание; о тайне же отца маркиза узнала от Шаро-священника. Оказывается, молодой человек написал письмо Франсуазе, чтобы узнать о «злом роке», вызвавшем ее отвращение, и быстро получил ответное «с самыми горькими насмешками» — его автором был отец Франсуазы. Тайну дочери Шевалье де Шовлен доверил маркизу де ла Пивардьер.

Маркиза определяет свой поступок юности как преступление — «убийство юноши», убийство любви. Преступление совершает и ее муж,

выдавший себя за судейского чиновника Буше и затеявший любовную интригу с дочкой содержателя трактира в Оксерре. Не случайно по отношению к нему — преступнику — используются сравнения из языческой и христианской мифологии, связанные с небесным наказанием: «Маркиза поразило как молния имя исповедника»; «Маркиз был, как громом поражен <...> когда он убедился, что маркиза осведомлена о его преступной связи» [Там же, с. 367, 369].

Кульминация новеллы приходится на День Вознесения (Успения) Богородицы — престольный праздник Нербоннской капеллы. Этот праздник, связанный со взятием на небеса после Успения Девы Марии, имеет символическое значение и своеобразно проецируется на судьбу героев. Ночью бесследно исчезает маркиз, и в его убийстве обвиняют маркизу и духовника Шаро, состоявших, как утверждает молва, в «преступной связи». Находятся и веские доказательства убийства: свидетельства служанок, слуги Ибера, даже девятилетней дочери маркизы. Подтверждение своей правоты судьи услышали в странных диалогах маркизы и священника во время очной ставки. Шаро, успокаивая маркизу, говорит: «Небо обрекло нас на тяжкое испытание <...> Разве вы не так же безвинны, как и я?». «Нет, нет! — громко закричала маркиза, — нет, я умираю виноватой ... Вы правы: мирская кара найдет преступницу!» [Там же, с. 374].

В романе «Мертвый осел и гильотинированная женщина» Ж. Жанен использует прием кольцевой композиции, показывая нравственное падение Анриетты: «Этот человек, первый, кто воспользовался ее положением проститутки, был тот самый, кто воспользовался ее невинностью!» [Жанен, 2010, с. 149—150]. Кольцевая композиция прослеживается и в истории встреч Анриетты с рассказчиком: он знакомится с ней во время мимолетной встречи в Ванва, когда видит ее верхом на Шарло, последняя «встреча» — похороны тела Анриетты на кладбище Кламар и его последующее исчезновение. И во время первой встречи, и во время последней Анриетта ускользает от рассказчика. Здесь можно увидеть трансформацию мифологического образа умирающего и воскресающего бога.

Преступление Анриетты — убийство ею своего соблазнителя — воспринимается рассказчиком как «единственный мужественный поступок несчастной девушки» [Там же, с. 147]. Информация об убийстве Анриеттой своего соблазнителя, мотивы ее поступка даются читателю в интерпретации рассказчика. Ему кажется, что героиня в момент роковой встречи «сосем уже была близка к безумию», а в момент убийства — «сразу вспомнила все оскорбления, все злосчастия <...>; она убила его спящего, убила одним ударом, словно по внезапному внушению» [Там же, с. 149; 150]. В образе со-

блзнизателя Жанен показывает типичного представителя парижского общества, для героини он становится персонификацией зла, причиненного ей и мужчинами, и Парижем. Преступление Анриетты — действие, совершенное в порыве страсти, после чего героиня чувствует себя опустошенной: «Ибо гнев накатывался на нее лишь временами, страсть — озарениями, ибо все было в ней мертво — сердце, разум, душа» [Там же, с. 150].

Виновниками своей испорченной жизни гофмановская героиня считает отца и мужа. Теперь отец для нее — «воплощение злого начала», а не житейской мудрости, именно он лишил «ее величайшего счастья» [Там же, с. 364], а муж «был избран завершить то, что начал ее отец, то есть разрушить счастье ее жизни» [Гофман, 1930, с. 318]. Оба они — носители злой силы, злого начала, злого рока. «Вся ее неудавшаяся жизнь показалась ей мрачной, безрадостной могилой, в которую она была безвыходно погребена» [Гофман, 2009, с. 364]. Жизнь — могила, жизнь — «безобразная бездна» [Гофман, 1930, с. 316], жизнь — страдание.

4. «Мирская кара» в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ж. Жанена

Мотив мести — наказание, «мирская кара» — проводится Гофманом через все повествование. Княгиня д' Эгуйон, узнавшая тайну Франсуазы и предложившая найти Шаро после смерти ее отца, была удивлена отказом и предупредила, что «час сознания своей ошибки может прийти слишком поздно, и это может повлечь за собой гибель Фрасуазы» [Там же, с. 311]. Во время тайной исповеди духовник (в котором она еще не узнала Шаро) ей говорит, что «ее все же может постигнуть мщение мирского закона» [Там же, с. 313]. В конце новеллы, когда мнимый убитый возвращается и маркизу с Шаро освобождают, она говорит, что «умерла бы заслуженно, искупая своей смертью тяжкий проступок» [Там же, с. 322]; «ее осудили бы не безвинно, но смертью она заплатила бы за свое преступление» [Гофман, 2009, с. 378]. Под «тяжким проступком», «преступлением» маркиза подразумевает любовь — сначала к юноше Шаро, потом к духовнику Шаро — посланцу Небес: «эта любовь, лишь эта любовь и была моим преступлением» [Там же, с. 379].

Зло связано с противоборством в душе Франсуазы: «Ваше лицо побледнело, ваши волосы поседели, и все же это вы, да, вы — тот самый юноша, которого я когда-то увидела у княгини д' Эгуйон, который пробудил в моей душе смертельный восторг, страстную муку того чувства, которое навсегда останется мне чуждым» [Там же, с. 362].

Если Шаро воспринимает несостоявшуюся любовь как испытание, посланное Небесами, а разрушенное «земное счастье» как путь к святости,

«которая здесь на земле уже открывает небесное блаженство» [Там же, с. 364], то маркиза ждет «мирского мщения», уверена, что должна быть наказана. Мотив мести как ведущий по отношению к героине комментируется Шаро: он «уверял в трогательных выражениях, что маркиза так же невиновна, как и он, и что если она чувствует себя виновной в других отношениях, то это относится к проступку, не подлежащему мирским законам» [Гофман, 1930, с. 326].

Развязка новеллы — уход маркизы в монастырь — доказательство, что человек может противостоять злу, но «победить земные скорби» с помощью просветленного Небом Шаро она не смогла. Мотив мести, таким образом, соотносится Э. Т. А. Гофманом с самой героиней, рассматривающей себя как преступницу, которой отомстила судьба, сделав неспособной почувствовать счастье.

«Мёртвый осел» строится как роман-фельетон, предлагая читателю отдельные эпизоды, связанные между собой только образом рассказчика и общей темой — нравственного падения и неотвратимой смерти.

В основе повествования лежит прием ретроспекции: герой-рассказчик вспоминает об истории знакомства с девушкой в Ванва — случае, который произошел два года назад. Далее рассказчик вспоминает наиболее яркие эпизоды встреч с Анриеттой, давая читателю точки на карте Парижа, по которым можно было бы проследить путь её нравственного падения. Автор знакомит читателя с больницей Капуцины, приютами Сальпетриер, Грязи, проводит через морг и дом терпимости, пока, наконец, не оказывается в темнице Сальпетриер, на Гревской площади и кладбище Кламар.

Исследователи отмечают, что «в романе, в сущности, отсутствует единое драматическое действие и психологически разработанные характеры. <...> все герои романа скорее романтические символы или своего рода “ампулы”, которые указывают на жизненные обстоятельства, судьбы, душевное состояние, порождённые эпохой и зафиксированные в литературе» [Брахман, 2010, с. 233].

Символически судьба Анриетты отражается в судьбе ослика Шарло, со встречи с которым начинается повествование и гибель которого вызывает в памяти героя мысли об Анриетте. Шарло гибнет для развлечения героя — затравленный собаками на заставе Комба. В момент знакомства герой видит Шарло и Анриетту в окрестностях Парижа: «Я увидел молодую девушку верхом на осле, который нёс её во всю прыть. О, чарующее зрелище! Никогда в жизни я его не забуду» [Жанен, 2010, с. 24]. Идиллическая картинка рисует образ юной пастушки с осликом, на его шее — колокольчик, девушка осыпает его морду поцелуями. Однако чуть позже герой

видит «неуклюжего крестьянина, здоровенного мужика, который плелся за гадким ослом, навьюченным корзинами с навозом» [Там же, с. 29]. Таким образом, автор использует прием контраста, готовя читателя к стремительным и резким переменам, которые произойдут в жизни героини, из невинности и чистоты попавшей в грязь парижского общества: «Жанен показывает путь Анриетты: предместье Парижа — богатые кварталы города — больница — тюрьма — приют — эшафот. Это движение от невинности, беспечности и счастья через падение и утрату невинности к страданиям, преступлению и смерти, путь, подобный движению по кругам ада. Этот путь символизирует человеческие страдания, страдания плоти, обусловленные нравственным падением. Финал — смерть — избавление от страданий. Причиной смерти становится месть героини, ее желание защитить свою честь и наказать человека, ставшего причиной страданий» [Маринина, 2013, с. 54]. Финал романа — исчезновение тела Анриетты — хотя и объясняется прозаически (похищением для медицинской школы), все же сохраняет ощущение чуда. Кроме того, рассказчик связывает девушку с творчеством: «Ах, несчастный, разве не желал ты отвоевать ее также и у нового искусства твоей страны?» [Жанен, 2010, с. 210]. Это говорит о трансформации образа возлюбленной в категорию вечного существования через произведение искусства.

5. Рецепция новеллы Э. Т. А. Гофмана и романа Ж. Жанена в России 30-х годов XIX века

Восприятие французской литературы в России 30-х годов XIX века связано во многом с представлением о низложении общественной нравственности во Франции и осуждении современной французской литературы. Так, А. С. Пушкин в письме к М. П. Погодину (сентябрь 1832) говорит об «отвратительной подлости нынешней французской литературы ... Я в душе уверен, что 19-й век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею Францию)» [Пушкин, 1981, т. X, с. 74]. В. А. Жуковский в письме к А. С. Струдзе (май 1835) дает свою оценку литературы Франции: «Дерзкий материализм в ней царствует. Читая новые французские романы <...> пугаешься не их содержания, а самих авторов. По моему мнению, безнравственность книги заключается менее в самой книге, нежели в том, какую веру предполагаешь в авторе» [Жуковский, 1985, с. 237]. Среди писателей, равнодушных к добру и злу, Жуковский называет Ж. Жанена. О Франции как несчастной стране, писатели которой постоянно показывают сцены жестокости и бесстыдства, постоянно публикуются статьи в журнале О. И. Сенковского «Библиотека для чтения».

Однако в письме А. С. Пушкина княгине В. Ф. Вяземской (апрель 1830) читаем: «Вы правы, находя, что “Осел” прелестен. Это одно из самых замечательных сочинений настоящего времени» [Пушкин, 1981, т. IX, с. 365]. «Замыслив в 1832 году написать обозрение французской прозы, Пушкин в наброске плана (дальше чего дело, к сожалению, не пошло) выводит на первые места все три вышедших на тот момент романа Жанена: “Барнав” (“Bagrave”, 1831), “Исповедь” (“La Confession”, 1830), “Мертвый осел и гильотинированная женщина” (“L’âne mort et la femme guillotinée”, 1829). Лишь вслед за ними идут имена и произведения Гюго, Эжена Сю, Бальзака и Мюссе» [Криницкий, 1996, с.37]; «Жанен был так популярен в России в 1830-е годы, что Гоголь дал своему другу Анненкову прозвище “Жюль”. Виноградов, Томашевский и Макашин считают, что “Мёртвый осел” лёг в основу русского романа ужасов, равно как французские критики считают Жанена основоположником неистовой школы» [Мейер, 2011, с. 153]; «фигура Жанена, так же как и Гюго, казалась критике середины 1830-х гг. если не легендарной, то знаковой» [Дроздов, 2013, с. 64].

Судьба новелл Э. Т. А. Гофмана, связанных с Францией как «землей преступлений», тоже заслуживает внимания. Первой переведенной в 1822 году на русский язык гофмановской новеллой стала «парижская» «Девушка Скюдери», рассказывающая о ювелире-преступнике, убивающем своих заказчиков. Новелла «Маркиза де ла Пивардьер» была переведена в 1829 году и под названием «Белое привидение» опубликована в 1830 году. Одним из ведущих в этом переводе оказывается мотив призрака, хотя в тексте оригинала он не имеет значения [Hoffmann, 1983, bd.8, s. 46]. Русские читатели этого времени были увлечены бытующим в немецкоязычных странах преданием о белой даме [Ильченко, 2015, с. 89—98]. Дух якобы убитого маркиза стал появляться в разных местах «в виде белого привидения» [Белое привидение. Повесть Гофмана, 1830, с. 68]. Судейский чиновник Бонетт, более других стремившийся найти следы преступления и обнаружить около замка зарытое тело маркиза, поплатился за свое усердие. Однажды он был найден без сознания недалеко от замка. Неизвестный переводчик 30-х годов XIX века (возможно, Н. А. Полевой) намеренно подчеркивает важную функцию в повествовании мотива, связанного с «белым привидением». В эпизоде с Бонеттом этот образ упоминается пять раз: «говорили, что дух Маркиза, в виде белого привидения, появляется в разных местах»; «первое слово его было: “Где белое привидение?”»; «вдруг явился перед ним Маркиз в длинном белом одеянии»; «он трепетал, беспрестанно ждал к себе белого привидения»; «каковы бы ни были обстоятельства появления белого привидения, но Бонетт не мог

оправиться, опасно занемог и умер почти в сумасшествии» [Там же]. Таким образом, русский переводчик стремился сосредоточить внимание читателей на таинственной атмосфере происходящих событий, а не на «ужасах нравственных».

6. Вывод

Несовершенное преступление маркизы де ла Пивардьер (она — не убийца своего мужа) и совершенное — Анриетты — стали своеобразным «двигателем сюжета» в новелле Э. Т. А. Гофмана и в романе Ж. Жанена. Гофмановская героиня восприняла свою безрадостную жизнь как наказание за горе, причиненное влюбленному юноше, как кару, поскольку стала жертвой отцовского воспитания. На первом плане у Э. Т. А. Гофмана нравственный аспект «преступления», месть, которую героиня направляет на себя. В романе Ж. Жанена рассказчик считает месть Анриетты оправданной, а наказание за нее — казнь — слишком жестоким. Если маркиза выносит приговор себе, то Анриетта — своим обидчикам. Немецкий и французский романтики представили свое понимание морального и греховного через художественное воплощение драматической судьбы женщины.

Источники

1. *Белое привидение*. Повесть Гофмана // Повести и литературные отрывки : ч. 1—6. — Москва : Унив. Тип, 1830. — С. 5—91.
2. *Гофман Э. Т. А.* Маркиза де-ля Пивардьер / перевод с немецкого ; под общей редакцией З. А. Вершининой / Э. Т. А. Гофман // Собрание сочинений. Том VI. Принцесса Брамбилла. Каприччио во вкусе Калло. Рассказы. — Москва : Издательское товарищество «НЕДРА», 1930. — С. 304—332.
3. *Гофман Э. Т. А.* Маркиза де ла Пивардьер / Э. Т. А. Гофман // Собрание сочинений : в 8 тт. — Москва : ТЕРРА, 2009. — Т. 3. — С. 352—379. — ISBN 978-5-275-02209-4.
4. *Жанен Ж.* Мертвый осёл и гильотинированная женщина / Ж. Жанен. — Санкт-Петербург : Азбука классика, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-9985-0911-7.
5. *Жанен Ж.* Предисловие / Ж. Жанен // Фантазии / перевод с французского. — Санкт-Петербург : типография К. Вингебера, 1834. — Ч. I. — С. 1—92.
6. *Hoffmann E. T. A.* Die Marquise de la Pivardiere / E. T. A. Hoffmann // Gesammelte Werke in Einzelausgaben. — Aufbau-Verlag : Letzte Erzählungen. Kleine Prose. Nachlese, 1983. — Bd. 8. — Pp. 23—58.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.
2. *Брахман С. Р.* «Неистовый» насмешник / С. Р. Брахман // Жанен Ж. Мёртвый осёл и гильотинированная женщина. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. — С. 211—242. — ISBN 978-5-9985-0911-7.

3. Дроздов Н. А. Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. А. Дроздов. — Санкт-Петербург : РАН; Институт русской литературы (Пушкинский дом), 2013. — 230 с.
4. Жуковский В. А. Письмо А. С. Струдзе / В. А. Жуковский // В. А. Жуковский — критик. — Москва : Советская Россия, 1985. — С. 337—238.
5. Ильченко Н. М. Образ Белой Дамы в интерпретации русских романтиков / Н. М. Ильченко // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2015. — № 30. — С. 89—98.
6. Ильченко Н. М. Париж как реальное и фантастическое пространство в изображении Э. Т. А. Гофмана и Ш. Бодлера / Н. М. Ильченко, Ю. А. Маринина // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 140—155. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-7-140-155.
7. Криницын А. Б. Пушкин и Жюль Жанен / А. Б. Криницын // Российский литературоведческий журнал. — 1996. — № 8. — С. 37—48.
8. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого : перевод с французского / Ж. Ле Гофф. — Москва : «Прогресс», 2001. — 440 с. — ISBN 5-01-004673-3.
9. Маринина Ю. А. Жюль Жанен и Шарль Бодлер : точки пересечения / Ю. А. Маринина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 12—2. — С. 52—55.
10. Мейер П. Русские читают французов. Лермонтов, Достоевский, Толстой и французская литература / П. Мейер. — Москва : Три квадрата, 2011. — 336 с. — ISBN 978-5-94607-151-3.
11. Мифы народов мира [Электронное издание] / под ред. С. А. Токарева. — Москва, 2008 (Москва : Советская энциклопедия, 1980). — 1147 с. — Режим доступа : <https://ru.pdfdrive.com/Мифы-народов-мира-e187974494.html> (дата обращения 23.08.2020).
12. Пушкин А. С. Письмо В. Ф. Вяземской / А. С. Пушкин // Собрание сочинений в десяти томах. — Москва : Правда, 1981. — Т. IX. — 448 с.
13. Пушкин А. С. Письмо М. П. Погодину / А. С. Пушкин // Собрание сочинений в десяти томах. — Москва : Правда, 1981. — Т. X. — 447 с.
14. Реизов Б. Г. Французский роман XIX века / Б. Г. Реизов. — Москва : Высшая школа, 1977. — 313 с.
15. Эйзенштейн С. Неравнодушная природа / С. Эйзенштейн // Избранные произведения : в 6 тт. / глав. ред. С. И. Юткевич, сост. П. М. Аташева, Н. И. Клейман, Л. К. Козлов. — Москва : Искусство, 1964. — Т. 3. — 670 с.
16. Neubauer J. The Persistence of Voice : Instrumental Music and Romantic Orality / J. Neubauer. — Brill, 2017. — 284 p. — ISBN 90-0434335-0.

**“LIFE AS SUFFERING”: THE MOTIVE OF REVENGE IN THE NOVEL
BY E. T. A. HOFFMANN “THE MARQUIS DE LA PIVARDIÈRE” AND THE NOVEL
BY J. JANIN “THE DEAD DONKEY AND THE GUILLOTINED WOMAN”**

© Natalia M. Ilchenko (2021), orcid.org/0000-0003-2541-5061, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Philology, Federal State Budgetary Educational Insti-

tution of Higher Education “Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University” (Nizhny Novgorod, Russia), ilchenko2005@mail.ru.

© **Yulia A. Marinina (2021)**, orcid.org/0000-0002-5996-8396, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University” (Nizhny Novgorod, Russia), umarinina@gmail.com.

The motive of revenge is analyzed on the basis of the French topos, considered as a space of crime and punishment. It is noted that the novel by E. T. A. Hoffmann and the novel by J. Janin are united by attention to fate as a catastrophic concept inscribed in the picture of life in France. The relevance of the study is associated with the problems of the formation of national identity, national image by romantics of Germany and France. It is shown that the German romantic, who relied on fantasy as a means of understanding and cognizing life, became a model for J. Janin in the perception of “observed material”. Special attention is paid to the artistic embodiment of life as an “ugly abyss” in which the heroines of E. T. A. Hoffmann and J. Janin find themselves. The results of a comparative analysis of the novel, the action of which belongs to the second half of the 17th century are presented in the article. But the writer discusses the morals of the heroes from the point of view of the romantic canon, and the novel, the action of which is attributed to the end of the 20s of the 19th century. The novelty of the research is connected with the fact that the drama of human existence (female) is viewed as a result of the fragility of earthly existence, the loss of faith in the rationality of the universe. This approach made it possible to analyze the national forms of romanticism, the individual approach of Hoffmann and Janin to understanding the moral and the sinful.

Key words: image; space; motive; fantasy; revenge; a crime; Paris; Hoffmann; Janin.

MATERIAL RESOURCES

- Beloye privedeniye. Povest' Gofmana [The white ghost. Hoffmann's Tale]. (1830). In: *Povesti i literaturnyye otryvki* [Stories and literary excerpts], 1—6. Moskva: Univ. Tip. 5—91. (In Russ.).
- Gofman, E. T. A. (1930). Markiza de-lya Pivarder [Marquise de la Pivardiere]. In: *Sobraniye sochineniy. Printsessa Brambilla. Kaprichchio vo vkuse Kallo. Rasskazy* [Collected works. Princess Brambilla. Capriccio in the taste of Callo. Stories], VI. Moskva: Izdatelskoye tovarishchestvo «NEDRA». 304—332. (In Russ.).
- Gofman, E. T. A. (2009). Markiza de la Pivarder [Marquise de la Pivardiere]. In: *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 8 (3). Moskva: TERRA. 352—379. ISBN 978-5-275-02209-4. (In Russ.).
- Hoffmann, E. T. A. (1983). Die Marquise de la Pivardiere. In: *Gesammelte Werke in Einzelausgaben*, 8. Aufbau-Verlag. Letzte Erzählungen. Kleine Prose. Nachlese. 23—58. (In Germ.).
- Zhanen, Zh. (1834). Predislovie [Preface]. *Fantazii* [Fantasy], I. Sankt-Peterburg: tipografiya K. Vingebera. 1—92. (In Russ.).
- Zhanen, Zh. (2010). *Mertvyy osel i gilotinirovannaya zhenshchina* [The dead donkey and the guillotined woman]. Sankt-Peterburg: Azbuka klassika. 256 p. ISBN 978-5-9985-0911-7. (In Russ.).

REFERENCES

- Bart, R. (1989). *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moskva: Progress. 616 p. (In Russ.).

- Brakhman, S. R. (2010). «“Neistovyy” nasmeshnik» [“Violent” heir]. In: Zhanen, Zh. *Mertvyi osel i gilotinirovannaya zhenshchina* [Zhanen, Zh. A dead donkey and a guillotined woman]. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. 211—242. (In Russ.).
- Drozdo, N. A. (2013). *Frantsuzskaya «neistovaya slovesnost’» v russkoy retseptsii 1830-kh godov*. Author’s abstract of PhD Diss. [French “violent literature” in the Russian reception of the 1830s. Author’s abstract of PhD Diss.]. Sankt-Peterburg: RAN; Institut russkoy literatury (Pushkinskiy dom). 230 p. (In Russ.).
- Eyzenshteyn, S. (1964). Neravnodushnaya priroda [At the same time, the Olkhovsky village of Eisenstein was abolished]. In: *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works], 6 (3). Moskva: Iskusstvo. 670 p. (In Russ.).
- Ilchenko, N. M. (2015). Obraz Belay Lady v interpretatsii russkikh romantikov [The image of a White Lady in the interpretation of Russian Romantics]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov], 30: 89—98. (In Russ.).
- Ilchenko, N. M., Marinina, Yu. A. (2019). Paris as Real and Fantastic Space in Depiction of E. T. A. Hoffmann and Ch. Baudelaire. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 7. 140—155. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-7-140-155. (In Russ.).
- Krinityn, A. B. (1996). Pushkin i Zhyul’ Zhanen [Pushkin and Jules Janin]. *Rossiyskiy literaturovedcheskiy zhurnal* [Russian Literary Journal], 8: 37—48. (In Russ.).
- Le Goff, Zh. (2001). *Srednevekovyy mir voobrazhayemogo* [The Medieval world of the Imaginary]. Moskva: «Progress». 440 p. ISBN 5-01-004673-3. (In Russ.).
- Marinina, Yu. A. (2013). Zhyul’ Zhanen i Sharl’ Bodler: tochki peresecheniya [Jules Janin and Charles Baudelaire: points of intersection]. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural sciences], 12—2: 52—55. (In Russ.).
- Meyer, P. (2011). *Russkiye chitayut frantsuzov. Lermontov, Dostoyevskiy, Tolstoy i frantsuzskaya literatura* [Russians read in French. Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy and French Literature]. Moskva: Tri kvadrata. 336 p. ISBN 978-5-94607-151-3. (In Russ.).
- Tokarev, S. A. (ed.). (2008). *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Moskva. 1147 p. Available at: <https://ru.pdfdrive.com/Мифы-народов-мира-e187974494.html> (accessed 23.08.2020). (In Russ.).
- Neubauer, J. (2017). *The Persistence of Voice: Instrumental Music and Romantic Orality*. Brill. 284 p. ISBN 90-0434335-0.
- Pushkin, A. S. (1981). Pismo V. F. Vyazemskoy [This Letter by F. Vyazemsky]. In: *Sobraniye sochineniy v desyati tomakh* [Collected works in ten volumes], IX. Moskva: Pravda. 448 p. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1981). Pismo M. P. Pogodinu [Letter to M. P. Pogodin]. In: *Sobraniye sochineniy v desyati tomakh* [Collected works in ten volumes], X. Moskva: Pravda. 447 p. (In Russ.).
- Reizov, B. G. (1977). *Frantsuzskiy roman XIX veka* [French novel of the XIX century]. Moskva: Vysshaya shkola. 313 p. (In Russ.).
- Zhukovskiy, V. A. (1985). Pismo A. S. Strudze [Letter to A. S. Strudze]. In: *V. A. Zhukovskiy — kritik* [V. A. Zhukovsky — critic]. Moskva: Sovetskaya Rossiya. 337—238. (In Russ.).